

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

ГРАЖДАНСКАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА / РУК. ПРОЕКТА И ОТВ. РЕД. Л.М. ДРОБИЖЕВА. М.: РОССПЭН, 2013. — 485 с.

Новая монография представлена группой исследователей, которая рассредоточена географически, но объединена в коллективном проекте общими интересами и предметом изучения. Руководителю проекта Л.М. Дробижевой удалось заинтересовать и объединить ученых из Москвы, Башкортостана, Республики Саха (Якутии) и Татарстана, работающих в разных научно-исследовательских организациях. Вместе с тем это нечто большее, чем временный коллектив, созданный на ограниченный срок для решения конкретных проектных задач. Это — устойчивая и одновременно гибкая сеть исследователей, охватывающая как участников более ранних программ 1990–2000-х гг. по изучению этнополитических процессов и национального самосознания в стране и регионах, так и новых членов группы, привносящих свежие наработки и индивидуальный опыт. Следует признать, что в нашей большой стране не так много примеров исследовательских коллективов, долгие годы демонстрирующих слаженную работу, высокую продуктивность и способность подойти к проблеме с позиций как межрегиональной вариативности, так и общенационального единства.

Название книги ясно очерчивает круг затрагиваемых тем, а эмпирическая обоснованность представленных результатов не позволяет уйти в область конъюнктурных политических спекуляций. Федеративное де-юре устройство современной России, сохранение автономии национальных республик и подъем этнонационального сознания титульных народов (татар, башкир, саха (якутов) и др.), как показывают авторы, не стали препятствием на пути формирования национально-государственной идентичности жителей страны и конкретных территорий. Через двадцать лет после начала реформ, определяя свою принадлежность, большинство опрошенных идентифицировали себя как «граждан России» (с. 41); даже если быть гражданином означало быть лояльным прежде всего своему государству, учитывая «болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний» (с. 49).

Актуализация этнической и религиозной идентичностей в национальных республиках, как у представителей титульной национальности, так и у русских, не стала преградой для укрепления приверженности своей стране. Однако при этом нельзя не обратить внимание на растущую повсеместно негативную солидаризацию русского этнического большинства, подпитываемую ощущением коллективной депривации и сопряженную с желанием отстаивать свои этнонациональные интересы.

Следовательно, «проблемой» на пути общенациональной интеграции в настоящее время является не столько сохранение многонационального (этнического) федерализма с вменяемыми ему угрозами сепаратизма, сколько растущий, особенно за пределами республик, русский этнический национализм, легитимирующий особые права для этнокультурного большинства и снижающий потенциал солидарности на основе общегражданских ценностей и последовательного равноправия. Не могут не тревожить данные социологических опросов, свидетельствующие о том, что по сравнению с серединой 1990-х гг. идея России как «общего дома для многих народов» с равными правами и обязанностями, которая наиболее полно соответствует идеалу гражданской нации, потеряла немало своих сторонников и сегодня поддерживается менее чем половиной опрошенных россиян (с. 47). Авторы верно характеризуют складывающуюся российскую идентичность как «государственно-гражданскую». В связи с чрезвычайной централизацией власти, слабостью гражданского общества и растущей социальной атомизацией, преобладанием вертикальных иерархических связей над горизонтальными социальными узами гражданство в нашей стране все чаще мыслится не как система отношений между самостоятельными и равноправными субъектами, разделяющими чувство принадлежности к одному политическому сообществу, а как устойчивая политико-административная связь индивида со своим государством. Подданство выражается не только в обладании правами, которые обеспечиваются государством, чувстве ответственности перед ним, но и в распространении на человека суверенной власти и юрисдикции этого государства.

Особого внимания заслуживают теоретико-методологические подходы, использованные в монографии. Осознание дефектов субстантивистских и эссенциалистских теорий побудило к более внимательному рассмотрению конструктивистских аргументов (идей Р. Брубейкера, Ф. Купера, С. Бенхабиб и др.), ставших интеллектуальным мейнстримом в мировой социальной теории. В духе идей норвежского антрополога Ф. Барта фокус анализа перенесен с объективных культурных различий этнических сообществ на чувство принадлежности к группе, то есть «приписывание идентичности себе и приписывание ее другим»

[1, с. 15]. Авторы придерживаются умеренного варианта конструктивизма (его даже можно назвать «сдержанным конструктивизмом»), при этом отечественная и зарубежная традиции не противопоставляются и не сталкиваются друг с другом. В то же время недвусмысленно обозначается продуктивность новых идей, предполагающих отказ от «группистского» мышления и сопряженного с ним старого терминологического аппарата. Например, холистское¹ и статичное «этнос» постепенно вытесняется из словаря отечественного обществознания (поэтому практически отсутствует в монографии) в пользу процессуального и недетерминистского «этничность». Текущая социальная поляризация российского общества и контуры социально-классового неравенства пока не совпадают с этнокультурной дифференциацией россиян. Поэтому понятен перенос фокуса зрения участников проекта на идентичность в условиях во многом сохраняющегося сходства реалий и образа жизни этноконтактных групп, усиливающейся субъективизации и индивидуализации этнокультурных различий. Вместе с тем последнее не исключает рассмотрения этноконфессиональности в категориях социальной практики как отдельных индивидов, так и социальных коллективов. Идентичность индивидов и групп выступает как многомерная, множественная и изменяющаяся под влиянием макросоциальных трансформаций.

В монографии заметное место отводится изучению процессов религиозного возрождения и реконфессионализации народов в этническом, региональном и общенациональном ракурсах. Действительно, вряд ли можно обойти стороной этноконфессиональное измерение российского нациестроительства. Авторы, с одной стороны, отмечают наблюдаемые эффекты десекуляризации в постсоветскую эпоху, с другой, — приходят к выводу, что конфессиональная приверженность становится все более важной составляющей этнической солидарности в светском обществе. Если это так, можно было бы подчеркнуть значение этноконфессиональных идентичностей в названии книги, особенно имея в виду социальные проблемы и риски — реальные и мнимые, проистекающие из новых духовно-мировоззренческих установок жителей регионов и населения страны, особенно когда они становятся объектом политических манипуляций.

Представляя результаты социологических опросов в издании, приходится производить отбор данных из огромного массива, избегая излишней детализации. И все же то, что в таблицах иногда приводится валидный процент, учитывающий позицию «затрудняюсь ответить», а иногда эта позиция упускается, дезориентирует читателя.

¹ То есть предполагающее рассмотрение социальной общности как внутренне гомогенной целостности или даже живого организма.

Отсутствие ответа не может быть просто проигнорировано, так как несет значимую информацию о вопросе или о категории участвующих респондентов [2, с. 165]. Публикация только процентных данных (абсолютные величины часто отсутствуют) скрывает значимую информацию о «кухне социологических работ». Кроме того, по прочтении ряда авторских параграфов возникает вопрос: всегда ли данные многомерных (трехмерных) распределений переменных репрезентативны на имеющихся выборках? Например, представительство религиозных групп «колеблющиеся», «неверующие и атеисты» в выборке недостаточно, чтобы говорить достоверно о результатах пересечения переменной «отношение к религии» по этим группам с переменными «Кем Вы себя больше чувствуете — татарстанцем или россиянином?» (табл. 7, 8 на с. 128–129) или об участии верующих в религиозном культе (табл. 5 на с. 200). Сходная сложность — с пересечением других трех переменных (этничность, возраст и отношение к религии) и выделением шести возрастных групп в таблице 1 на с. 112. В последнем случае было бы правильнее создать укрупненные возрастные группы, чтобы их величина в выборке была достаточной для количественного анализа.

Результаты, полученные авторами проекта, не могут не влиять на содержание программы изучения этнонациональной консолидации в будущем. Так, поскольку вызывающая беспокойство негативная этническая солидаризация, изоляционистские и анти-иммигрантские установки среди русских заметно выше за пределами национальных республик (см., например, данные по Саха (Якутии) на с. 61), в перспективе следует уделить особое внимание территориям страны, имеющим статус областей со значительной долей русского населения. Усиление салафитского влияния и, соответственно, внутриконфессионального размежевания среди мусульман в регионах традиционного распространения ислама сохраняет актуальность этноконфессионального мониторинга в Башкортостане и Татарстане. А исследования в республиках Северного Кавказа, с учетом воспроизводства устойчивых антикавказских стереотипов на фоне активных межрегиональных миграций и высокой приверженности многих народов региона местным обычаям и исламу, могло бы дать ответы на наиболее волнующие вопросы этнонациональных отношений в России. Проекты будущего должны включить исследования не только социальных эффектов внутренних миграций, но и следствия массового притока в Россию иноэтничных трудовых мигрантов-иностранцев; значимость этого аспекта обосновывается авторами монографии и изучается на основе полученных социологических данных (с. 8, 212–213, 331, 440).

Нельзя не согласиться с тем, что именно стратегия развития культурного многообразия России и формирования интеркультурного

политического единства является наиболее верной, если исходить как из действующей Конституции РФ и международного законодательства по обеспечению демократических прав и свобод, так и из имеющегося в стране позитивного опыта сосуществования разных народов и религий. Реализация подобной стратегии сталкивается с неприятием со стороны не только отдельных представителей элиты, но и широких слоев этнокультурного большинства. Л.М. Дробижева справедливо отмечает: «...интеграционная стратегия успешна лишь в том случае, когда доминирующая этническая группа обладает необходимыми межкультурными установками, в числе которых — установки мультикультурной идеологии, основанные на позитивном восприятии членами доминирующей группы межкультурных различий и культурного разнообразия, а также наличие интегрирующей идентичности, разделяемой группой большинства и группами меньшинств» (с. 26). В связи с этим важно, чтобы усилия ученых были сосредоточены на выявлении внешних и внутренних социально-экономических и политических факторов, препятствующих социальному включению отличительных «других» в российское согражданство, и публичном продвижении научно обоснованных рекомендаций по укреплению многокультурной российской нации. И во многом это уже сделано в рассматриваемой монографии, практическая значимость которой несомненна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. ст. / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006.
2. *Бурдые П.* Общественное мнение не существует // Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993.

Л.Р. Низамова,
кандидат социологических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

**CIVIL, ETHNIC AND REGIONAL IDENTITIES:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW / ED. BY L.M. DROBIZHEVA.
M.: ROSSPEN, 2013 [rev.]**

L.R. NIZAMOVA, Kazan Federal University

REFERENCES

1. *Bart F.* Vvedenie // Jetnicheskie gruppy i social'nye granicy. Social'naja organizacija kul'turnyh razlichenij. Sb. st. / Pod red. F. Barta; per. s angl. I. Pil'shshikova. M.: No-voe izdatel'stvo, 2006.
2. *Burd'e P.* Obshhestvennoe mnenie ne sushhestvuet // Burd'e P. Sociologija politiki: Per. s fr. M.: Socio-Logos, 1993.